

Правила благополучия

A man in a dark suit stands with his back to the camera on a wide, multi-colored staircase that leads up towards a stylized city skyline. The sky is bright blue with large, white, fluffy clouds. The overall scene is bright and optimistic, symbolizing progress and achievement.

Зайчински Пан

Пан Зайчински

Правила благополучия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69811699

SelfPub; 2023

Аннотация

Офисный работник переживает непростое время. Короткий рассказ от лица человека, повествующего о своей обычной жизни.

Пан Зайчински

Правила благополучия

Думаю, никто никогда не питал ко мне такого сильного чувства, как моя жена, этот неприветливый человеческий экземпляр (хотя все начиналось до известной степени благополучно), немногословный (хотя, насколько я помню, в ее семье не было суровых порядков, военных и философов) и скучный (скучнее историй, избитых легкомыслием и бездарностью массовых рассказчиков) образ. И все это в совокупности – мой выбор, причем осознанный.

Да, я забыл добавить, что она недоброжелательная.

По пятницам она всегда дома – с утра до самого позднего вечера. Я прихожу с работы и уже в коридоре чувствую, что оттуда, из глубокой светлой комнаты, на меня готовы смотреть два кругловатых молчаливых, а главное – пустых – глаза. Я делаю шаг вперед и оказываюсь в зоне ее видимости, а видимость у нее до изощренной степени хорошая. Натянув до подбородка лоскутное одеяло цвета радуги, она сидит на огромном диване и смотрит черно-белое кино времен 50-х, что-то до нелепости примитивное. Я говорю «привет, как дела?» или «привет, о чем фильм?», но она не отвечает, только смотрит исподлобья с выражением непонимания, искусно скрывая хроническое раздражение, как будто мое-

го появления и так вполне достаточно, а слышать мой голос уже непозволительно. Каждый такой раз в моей голове на мгновение всплывает одна неприятная картина: я подхожу к ней, беру за плечо и стучаю ее головой об стену, об этот телевизор или об оконную раму и громко кричу. Но это только лишь воображение. Я легко сдерживаюсь. Просто захожу в ванную, принимаю душ, переодеваюсь и иду в гости к своему приятелю, Алексу.

Всего-то дорогу перейти.

Алекса часто не бывает дома, но это ничего не решает – домой я рано не возвращаюсь. Лучше поиграть в настольный хоккей с его сыном, он всегда по пятницам дома – за плохое поведение.

Но сегодня мне повезло – сегодня четверг, и после работы я иду к маме. Только что позвонил жене и сказал о своих планах.

«Ясно», – самый вразумительный ответ. «Ты не пойдешь?» – «Нет». Нет – самый точный ответ. И я рад. Осталось купить цветы через... два часа. Еще два часа. Два так два.

– Крокусов нет? А что есть?

– Все остальное. Берем, не задумываемся, все равно все

не купите, – большая продавщица в темно-синем переднике в разводах говорит монотонно, неохотно, ненатурально прищурив глаза. Наверно, устала. А кто не устал.

– Тогда пионы. Девять штук.

– Тогда – это тогда, а мы про сейчас, – в таком же тоне произносит она.

Так она устала или злая? Надо выяснить. Постараюсь запомнить лицо.

– Но, если бы я сказал «сейчас пионы, девять штук», это было бы не глупо.

И зачем я это сказал?

– Как раз это-то и понятно.

– Неважно, – махнул я рукой. – Девять пионов.

Она подвинула ко мне гигантскую китайскую вазу с еще более гигантской трещиной, берущей свое начало из-под основания горла и теряющейся в пестрых узорах росписи, и предложила выбрать цветы самому, но я снова отмахнулся, демонстрируя акт доверия.

– Я имею ввиду, если ты скажешь «сегодня», значит, будет и завтра.

Меркантильный мир. Что мне на это ответить?

– Нравится? – спросила цветочница, суровыми движениями перевязывая темные стебли аккуратной малиновой ленточкой под пристальным взглядом одноглазого аиста, намертво приклеенного к кассовому аппарату.

– Да.

А теперь, сидя в машине, я думаю о том, что надо было ответить «нет» и посмотреть на ее реакцию. Надо было! Все равно бы не сделал. Так что пора уже ехать. Мама, встречай сына. Почти сорок лет прожил и не может подшутить над продавщицей.

– Как это мило, – восхищается мама, обнимая меня в просторной прихожей. – Ты один? Почему?

Что ответить? Я даже не знаю причин.

– Ты же знаешь, Вера все время занята.

В последнее время мне стало нравиться, когда задают вопросы и не слушают ответы. Поэтому мы уже на кухне. Здесь всегда было светло, не то, что в остальных комнатах. Новый орнамент на скатерти, цвет – бледно-розовый.

– Вишневый кисель! – оправдательно вскрикивает мама, и ее многочисленные седые кудри подпрыгивают как бы от удивления. – Совсем забыла, представляешь!

– Представляю.

– Переливала утром в бутылки... И вообще, когда это я была аккуратной!

– Это точно, – улыбаюсь я. – Папа на рыбалке?

Через десять минут я глотаю все подряд, туда же полбутылки сливового вина. Все это время мама рассказывает о новых папиных друзьях, о том, какие они веселые и живые. Я киваю, жую, улыбаюсь, поднимаю брови, как будто бы удив-

лен, но мне это неинтересно, все это я уже слышал в прошлый четверг. Под конец я меняю тему:

– Ты не против, если сегодня я останусь здесь?

Зачем я это сказал? Она ужасно расстроилась.

– Ты поссорился с Верой?

– Нет, что ты, разве с ней возможно поссориться? – убедительно говорю я, но из меня плохой актер, зато и мама, к счастью, далека от проницательности.

– Когда живешь душа в душу, даже маленькие ссоры могут показаться настоящими скандалами, так что это нормально.

Но нет.

– Нет, мы никогда не ссоримся.

Для ссоры нужен хоть непродолжительный, но все же мир. Поэтому у нас нет ни того, ни другого.

– Как хорошо, – легко успокаивается она и тут же забывает, к чему прилагался этот разговор. Мой брат вскипел бы часа два назад, но именно поэтому он – это он, а я – это всего лишь я.

Еще полчаса на просмотр проявленных вчера фотографий из Брюсселя, где мама с папой праздновали одним из известных праздников 3 апреля (мы до сих пор не знаем, что это значит). Двадцать минут жду такси («не торопитесь, мне не срочно»). Вот и такси.

– Передавай привет мужу, – я улыбаюсь, хотя чувствую обиду – она действительно забыла о моей просьбе.

– Обязательно, – обнимает меня мама. – И Вере привет. Жду в гости!

Я улыбаюсь в последний раз и сажусь в такси, водитель которого с порожденным скукой интересом наблюдал за нашим прощанием. Мама активно машет мне рукой и показывает на мою машину:

– Не волнуйся, я поставлю ее в гараж!

А я и не волнуюсь. У меня таких органов нет.

– Главное в моей работе – заснуть, чтобы проснуться и шагать на работу, потому что рядом есть кафе, в котором работает человек, который делает лучшие в мире кексы, от которых невозможно отказаться, даже если ты сыт; особенно от тех, что с шоколадной глазурью, и имбирных. Алкоголь на меня действует не сразу, но когда начинается... Ничего не могу поделать, извините.

– Никаких проблем, – отвечает таксист, этот добрый человек, похожий на советского Гоголя с американской сигаретой.

Одним словом, на меня вдруг снизошла та самая благодать, сегодня был мой вечер. Но, как оказалось, не моя ночь. Во-первых, в доме отключили свет, и было жутко темно, как по ночам в глазах Веры. Чтобы сравнить эти две пропасти, я начал искать ее, Веру, и тогда обнаружил «во-вторых»: во-вторых, ее не оказалось дома. Поэтому у меня хватило ума развалиться по центру кровати, не снимая пиджака и туфель, и на мгновение я оказался где-то рядом с раем.

Утром я ее тоже не видел. Вообще-то, библиотечное дело появилось гораздо раньше натяжных потолков, поэтому Вера встает с первыми лучами солнца, чтобы продолжать это нелегкое, но воистину великое дело.

Выпив чашку злого горького кофе, я неспеша поплелся на работу.

По дороге я успел помочь пожилому почтальону, обронившему связку разноцветных писем, не вовремя оживших под его дрожащей рукой. Он грустно улыбнулся, сказав, что если я не Кагновски, то для меня писем нет, ведь все письма идут только на его адрес, и каждые два дня бедняге почтальону приходится таскаться из одного конца города в другой ради этого неблагодарного популярного человека. Я сочувственно пожал плечами и пошел дальше. Но я бы сказал ему: «Знаешь, приятель, хватит уже разносить макулатуру, не нравится – не делай, ты же не античный философ, попробовал – и хватит). Может развернуться и догнать его? Но ничего нового я ему не скажу – все это он давно знает.

Давай, думай. Это же так полезно. Что может быть здоровее размышлений?

А ведь когда-то я жил в нормальном времени, а не в бесперспективном условии.

– Извините, вы не подскажете, где тут магазин, который экспедиционный? – остановила меня маленькая женщина в строгом коричневом костюме с огромным карманом на пи-

джаке.

– Экспедиционный магазин? – с недоумением переспросил я.

– Да, магазин, где продают товары для лиц, участвующих в экспедициях.

«Лиц, участвующих в экспедициях»! Коли они уже участвуют, зачем им этот магазин.

– Понятия не имею. Мне кажется, вы не на той улице.

– Конечно, не на той, – ответила она, осматриваясь. На шее у нее висел желтый цветок. – На этой.

Да что же происходит! Не тогда, а сейчас, не на той, а на этой! Что за тяга к беспочвенным исправлениям? Еще год назад такого не было!

– Извините, ничем не могу помочь. Не теряйте бодрость духа.

На самом деле, это я сказал себе. И пошел дальше.

Сделав несколько шагов, я решил, что непременно должен встретить еще кого-то, как это бывает во всяких притчах, и мне это почти удалось – я увидел свое отражение в дверях офиса, и оно сказала мне: «Дурно выглядишь».

Я сорвал все приветы на мое единственное «всем (а значит, никому) привет» и направился к себе в кабинет. Я сам его выбрал еще год назад среди четырех других и остался вполне доволен. Доволен своими плоскими шутками и наш юрист, время от времени называющий меня советским ветераном войны, который с непривычки «теряется в объеме но-

вой просторной квартиры», а потому предпочитает угол. Не совсем понимая, у какого ветерана просторная новая квартира, я угрожаю ему большими неприятностями, которые легко могу устроить при первом же звонке в мой отдел – отдел претензий. Поэтому мы живем в согласии.

И тут я вижу на столе бумагу.

Бумага.

Позвони, пожалуйста, тому одноглазому господину и объясни, что сегодня пятница. Работы будут завершены только в воскресенье.

Уговор дороже каприза даже такого замечательного клиента.

С уважением, надеждой и симпатией,
Новак.

Да не может быть.

Я перечитал это снова, потом еще раз, и, наконец, понял, что Вера ушла. Я даже не стал звонить домой, потому что для этого надо хотя бы иметь сомнения, чтобы подтвердить их или развеивать, а их у меня не было.

Новак со своей будничной запиской выкинул магический трюк.

Я сделал круг вокруг своего стола и остановился у двери, но открывать ее мне не очень хотелось.

Впрочем, что тут удивительного. Стоило догадаться раньше, что это случится, подготовиться к предотвращению и предотвратить появление обиды.

Но я этого не сделал, и мне стало обидно.

Я сел на ее диван и уставился в черное окно экрана. Там застыли незнакомцы. Кстати, хоть один фильм со смыслом. Впрочем, и тот недосмотрен.

Через четыре дня я позвонил ее брату, своему брату и ее лучшей подруге, которая живет на соседней улице. Я узнал, как у них обстоят дела, и понял, что у меня все не так уж и плохо.

Через неделю об этом знали все. Библиотекари любезно привезли мне коробку с ее вещами, как будто она умерла.

Через месяц выяснилось, что она уехала на юг, в маленький городок, где, как я слышал, неплохо лепят цветочные горшки.

Еще через месяц я окончательно избавился от ее присутствия, выкинув все барахло, которое она не прихватила с собой по одним ей известным причинам. Все любят барахло, даже я, а в особенности – магнаты.

Через год по моему дому бегали две собаки. Еще полгода – и их стало три. Таким образом, один я размножил свою семью гораздо более быстрыми темпами. Постепенно я перестроил свой график: перестал навещать родителей строго по четвергам, ходить к Алексу по пятницам, издыхать в трена-

жерном зале по выходным и по понедельникам ходить в кино с племянником. Единственное, что осталось неизменным за эти четыре с половиной года – это встречи с братом.

Гордость моего детства, пионер моего воспитания, человек, который мог сказать одно лишь слово и этим словом выколоть глаза любому недоумку. Он всегда знал, что делать и как делать, а если и не знал, для меня это ничего не меняло.

Его многочисленные планы всегда завораживали и казались реализуемыми – преподносил он их с такой чрезвычайной убежденностью, как будто каждая его новая идея была последним шансом изменить однообразные бытовые семейные будни. Каждый раз я в это верил. И я многому научился.

В общем, у него был настоящий характер, пока он не сошел с ума. И теперь каждую среду мы встречаемся с ним в одном и том же месте – в психиатрической клинике, на одной из парковых скамеек, защищенных большими красивыми деревьями. Думаю, это белый клен, но не уверен.

Теперь все не так, как раньше. Мне хочется верить, что он немного устал, но я знаю, что это неправда. Когда он не разговаривает, я чувствую себя как на исповеди. Бывает, он не смотрит в мою сторону, и тогда я хочу плакать, а бывает, – смотрит, и я хочу бежать быстрее домой, где за гаражом, на такой же скамье, он учил меня лучшим карточным играм.

За полгода местным врачам так и не удалось определить, что стало причиной его болезни, как, впрочем, и поставить

убедительный диагноз. Они кидались от Альцгеймера до Пика, но ничто не могло победить силу их сомнений. Еще через месяц вся эта компания была уволена (правда, эта история не имеет никакого отношения к моему брату). А через полгода новая бригада с удивлением определила Пика, впрочем, и до сих пор это кажется мне неправдоподобным. Все-таки есть неизменные вещи – он всегда умеет запутывать.

Что касается меня, то я давно уже упустил из виду смысл постановки прямого диагноза, когда все возможные варианты одинаково безнадежны. Я слышу, как дрожит его грубый голос, вижу, как дрожат его пальцы, и понимаю, что время ушло. Мне не нужны причины, которые не вернут моего лучшего учителя, не лишат его незаслуженной беспомощности. Они лишь породят боль, страх, и, вероятно, даже стыд – за свою слепоту и односторонность.

Однажды один мой знакомый коммивояжер захотел помочь нам. Он познакомил меня со своим двоюродным дядей, утверждавшим, что лет через двадцать можно будет вылечить человека от любых болезней. Он действительно внушал доверие.

Можно сказать, на этом история и закончилась.

Я возил его за границу, и он пролежал там три месяца. Помню, Вера не хотела ехать с нами – ей было страшно. Мы вернулись с таким же сомнительным диагнозом, а я, вдобавок, с по-настоящему незабываемыми впечатлениями. Некоторые из них вызывают у меня душевную улыбку, которая

сжимает болью все внутренние органы. Вера ни разу его не навестила.

За эти два года после внезапного исчезновения Веры я окончательно убедился в том, что по своей природе я – идеальный холостяк, притом домашнего подвида. Дело даже не в собачьем мусоре, невымытой посуде и пивных банках – нет, все это пришло гораздо позже. Дело в духе, который есть помесь больших уступок, легкой пренебрежительности, кажущейся от всего этого доброты, а также всеобъемлющего комфорта в одиночестве или в кругу славных псин.

Дома я живу по своим правилам. Может и глупо так выражаться, но ведь это действительно так. Дома я никому ничего не должен. Все что я делаю, я хочу делать: для себя, для своих собак.

Я так и не смог скучать по Вере. Не то чтобы я пытался себя заставить, но иногда мне становилось совестно. Хотя это лишнее, это неправильно: если я и испортил ее жизнь, то ровно настолько, насколько она испортила мою. И как будто это могло ее волновать! Она ни разу не позвонила. К черту совесть, она всегда лезет в каждую дыру, закупоривает ее и блокирует так, что дышать невозможно. Я все сильнее убеждаюсь, что по достижении совершеннолетия следует постепенно отучивать себя от совести, как и от родительской опеки.

Как-то я познакомился с одной девушкой в парке – она выгуливала своих старых линяющих собак: серого скотч-терьера и двух черных гаванских бишонов с белыми манишками. Когда я был маленьким, мама подстригала собак, поэтому я немного разбираюсь в породах. Так вот, вид у первой собаки был совсем плачевный. Хотя они и в молодости такие – вызывают жалость. В любом случае, такую собаку я бы себе не завел. Зато девушка оказалась приятной и очень даже сообразительной. Конечно, я рассказал ей о своих собаках – заурядный разговор собачников, – а она рассказала по одной истории на каждую из своих трех. На следующий день я забыл ее имя, зато точно знал, что одного бишопа – того, что подслеповатый – звали Моррис. Через неделю я снова повстречал эту компанию, запомнил все их имена, и с тех пор каждый вечер мы встречались в парке. Иногда к нам присоединялся Алекс, мой сосед, – выгулять себя.

Симпатичное знакомство. Я узнал, что она недавно переехала сюда по работе с восточной стороны – она дизайнер-технолог. Несколько раз я ходил к ней в гости, она ко мне – ни разу.

Следующей осенью она вышла замуж, похоронила своих питомцев и уехала. Можно сказать, это была единственная женщина, с которой я постоянно общался все это время. Поэтому после ее отъезда мне снова стало грустно, как было грустно на похоронах ее старых собак или до того, как я купил своих двух.

С тех пор я нередко находил себя в различного рода барах-ресторанах, а позже – и в дешевых пабах или ночных забегаловках. Вскоре я мог гордиться тем, что на улицах меня узнавали десятки барменов и официантов, у меня появилось множество знакомых и, таким образом, я стал «своим» почти во всех вечерних заведениях разного пошиба. Уже через несколько месяцев мне захотелось нового воздуха, и я стал выезжать в соседний городок.

Надо признать, я никогда прилюдно не напивался до беспамятства. Такое я мог позволить себе только дома – по пятницам и субботам. Поначалу я долго колебался, что-то стесняло меня: я думал о соседях, которым может вдруг понадобиться моя помощь; о том, что подумают собаки; каждый раз силился вспомнить, звонили ли на этой неделе родители, а если не звонили, то звонил сам, чтобы не попасться. Конечно, эти примитивные симптомы совести постепенно смыло, и в этом мне кое-кто, а точнее кое-что, помогло. Особенно хорошо это получалось у тосканской траппы (к ней меня приучил мой школьный друг; он объездил весь свет, долго жил на Аляске, но в итоге, как и обещал, вернулся в Норвегию, хотя я бы предпочел видеть его дом где-нибудь на противоположной улице) и целебного аквавита. Я называю его целебным, потому что когда-то давно, в годы моей юности, я слышал рассказ о человеке, обреченном на медленную смерть от болезни с незапоминающимся названием,

но по совету одного еврейского лекаря пациент заменил водку в «Кровавой Мэри» на священный ингредиент – аквавит – и сохранил себе жизнь. Историю эту поведал отец моего школьного приятеля, того, что живет в Норвегии. Кстати, еще недавно он присылал мне открытки из Петербурга.

Сколько гостей у меня стало бывать по выходным – столько не было за всю мою самостоятельную жизнь! Женщины тоже приходили, но, в основном, я не знал, кто они. А сколько разведенных людей в этом городе! Особенно, мужчин (наверно, потому что женщине сложно задать такой вопрос). Я правду говорю, обычно, когда у хорошего парня спрашиваешь, женат ли он, он отвечает, как есть, например, «да» или «нет» – если он женат или никогда женат не был – и «нет, я разведен» – если он разведен. У женщин все не так: если дама разведена, то она не замужем, и все. После такого ответа ни один нормальный человек не будет докапываться у малознакомой женщины, была ли она вообще когда-нибудь замужем.

Своим гостям я говорил, что давно разведен, хотя, по правде, это было не так – но я не люблю вдаваться в подробности – и они верили. А с чего бы не поверить? Может, я и не сильно внушаю доверие, но и на обманщика я тоже не похож. А в детстве я очень старался никого не обманывать – это было одно из основных правил.

Мне было лет девять, когда я затеял разработать свою кон-

цепцию счастья. Скорее всего, это была одна из неудачных попыток соответствовать моему изобретательному брату. Я был убежден, что это истина, ставшая доступной мне как человеку, которому можно доверять! Довольно смешно. Концепция состояла из нескольких утверждений, по большей части запретов, соблюдение которых обязательно должно привести к благополучию. Так они и назывались – правила благополучия. Их было двенадцать, но на сегодняшний момент пять из них утеряны.

Из заповедей я украл всего две – запрещающие убивать и красть. Только их я и соблюдаю. Самыми сложными были три: не болеть, не спорить и не пропускать утреннюю зарядку. Их я не соблюдаю. Говорить неправду эта теория разрешала – на тот период я признавал ложь во спасение. Сейчас – не уверен.

Еще один пункт касался диких животных: их нельзя было приводить домой и ухаживать за ними. При разработке этого правила я, несомненно, находился под влиянием школьного преподавателя, и поэтому, став старше, не мог полностью принять его.

Последнее правило, которое я помню, – самое странное. Оно не разрешало мне задавать вопросы, ответы на которые я мог найти сам. Не знаю, зачем я его придумал – оно никогда не работало. И что готово работать, будучи в корне неправильным? Как показывает жизнь, очень даже многое.

Но теория не состоялась. Даже в школе, решив две задачи из двенадцати, нельзя получить «удовлетворительно». А если пять задач из двенадцати учитель забыл дома и не помнит их наизусть? Тогда, быть может, достаточно ограничиться имеющимися семью? Или, еще лучше, найти среди них парочку основополагающих и доказать, что их решение даст желаемый результат независимо от требований остальных задач. Скорее всего, интуитивно именно так я и поступаю. И разве я неблагополучен? Весьма. Весьма да или весьма нет?

Я поседел. Парикмахер нашел двадцать пять седых волос у меня на голове. «Я стал мудрее», – попытался отшутиться я. «Обычно я говорю это лысеющим», – честно признался он и похлопал меня по плечу. Я внимательно посмотрел на себя в зеркало и представил себя лысым, довольно четко представил. Но почему-то без волос я не выглядел умнее.

И вообще, я не создаю впечатление очень умного человека. Так, вполне себе человек – не больше. У моих двух собак и то глаза умнее и глубже, а у одной из них даже лукавые, с хитрецей. На моем лице нет ничего, что могло бы уверенно говорить о высоких интеллектуальных способностях: ни глаза, ни лоб, ни даже нос – они ни о чем не свидетельствуют. Может, я собирательный образ, один из тех самых до неузнаваемости похожие друг на друга «ничего особенного», которые когда-нибудь заселят Землю и не будут вызывать ни у кого никаких эмоций, так как вокруг все будут точно такие

же?

Зато я здоров. Из года в год это подтверждает полный курс обследований, который я прохожу в одной из местных клиник.

Я все так же возглавляю отдел претензий в компании по продаже и монтажу натяжных потолков.

Не убиваю, не краду.

Но все-таки что-то не так.